

Людмила Чернышова

Минск

Национально-культурная специфика русско-белорусских языковых контактов

Ключевые слова: коммуникация, языковые контакты, языковая картина мира, национально-культурный компонент, концептуализация.

Коммуникация – это социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации как в межличностном, так и в массовом общении, причем, по разным каналам и при помощи различных вербальных и невербальных средств. Д.Б. Гудков, (как ранее академик М. Бахтин), называет коммуникацию взаимодействием «говорящих сознаний», подчеркивая при этом, что для такого взаимодействия необходимо пересечение когнитивных пространств общающихся: чем больше зона пересечения, тем адекватнее коммуникация [Гудков 1997]. В данной статье на примерах различных языковых уровней мы попытались показать, что русское и белорусское «говорящее сознание» обладает некоторыми особенностями, отраженными в языке и проявляющимися в процессе коммуникации.

Общность человеческой психики обусловила сходный, универсальный взгляд на мир, что и отражают языки. Однако, как доказывают многочисленные исследования, проведенные в русле когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики и других наук, существует национально-специфическое видение всего сущего. Известный русский ученый А.Т. Хроленко об этом пишет так: «Словарь, корневые слова языка, само наличие тех или иных слов свидетельствует о том, какие предметы были самыми важными для народа в период формирования языка, о чем думает народ, синтаксис – как думает, а конно-

тация слов – о том, как он оценивает предмет мысли, – и добавляет: – Язык самый честный и памятливый свидетель истории и культуры народа» [Хроленко 2009, 87]. В лингвистике возникло понятие (и термин) языковой картины мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ восприятия и устройства мира, концептуализация действительности. Языковая картина мира, кроме универсалий, содержит национально-культурный компонент, обусловленный спецификой концептуализации мира, он включает в себе логическое осмысление, чувствование и оценку, объясняющуюся особенностями культуры. Национальных языковых картин мира столько же, сколько языков. Несомненно, их неповторимость становится очевидной лишь на фоне сопоставления.

Русская и белорусская языковая картина мира (как и другие), кроме общности, содержит и различия, которые сигнализируют о специфике в культуре, в менталитете. Эти данные в языках имплицитны, незаметны, но в свете гипотезы лингвистической относительности (о воздействии языка на его носителя) имеют большое значение. Экспликация и учет национально-культурной информации, закодированной на всех языковых уровнях, обеспечивает высокое качество контактирования народов носителей языков.

Обратимся к примерам и, в первую очередь, к лексическому и фразеологическому уровню, где когнитивное и культурное своеобразие проявляется ярче всего. В настоящее время в лингвистике принята точка зрения о неслучайности именования в культуре [Степанов 2001, 67, 75]. Слово несет в себе культурную информацию. Буквальный смысл, внутренняя форма, этимология концепта, по мнению Ю. Степанова, имеет к этому непосредственное отношение [Степанов 2001, 49]. Особенности лексического состава сигнализируют об особенностях мировосприятия, и они обнаруживаются в русском и белорусском словаре. Даже в тех русских и белорусских лексико-семантических группах, которые сложились в древности, находим различия. Возникновение специфических черт обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Приведем примеры. Русское *неделя* обозначает период времени, состоящий из семи дней, последний из них – воскресенье. Название седьмого дня заимствовано из старославянского языка и связано с христианскими воззрениями. Белорусское *нядзеля* (общеславянское) сохраняет значение ‘не делать’ – день отдыха. Русское *Извини!* старославянского происхождения от *ви-нить, вина*, белорусское *Прабач!* от глагола *бачыць* ‘видеть’, буквально

‘не замечай’. Различается соматическая лексика: *глаза – вочы, губы – вусны, висок – скронь, скулы – сківіцы, желудок – страўнік* и др., названия месяцев и др. Дифференциация обнаруживается в межъязыковых омонимах, так называемых ложных друзьях переводчика: русское *благо* – добро, белорусское *блага* – плохо.

Остановимся подробнее на лексике и фразеологии, несущих представление о здоровье и болезни. Идиоэтнические русские и белорусские культурные сценарии приветствия при встрече и речевого поведения при прощании очень схожи, но содержат некоторые специфические черты, которые можно выяснить при анализе вербальных формул. Этимология русского этикетного приветствия *Здравствуйте!* свидетельствует, что первоначально выражение содержало пожелание здоровья. Белорусы этому приветствию предпочитают *Добрай раніцы! Добры дзень! Добры вечар!* Такого же типа образование *Дабранач!* (русское соответствие – *Спокойной ночи!*). Белорусскому этикету свойственно и выражение *Здароў!*, однако оно используется при неформальном общении, также малочастотно в современном языке *Добрага здароўя!* Интересна в этом отношении и белорусская поговорка *Які “здароў будзь”, такі і “на здароўе”*, ее возможное русское соответствие *Каков привет, таков и ответ*.

Русский культурный сценарий прощания предполагает использование этикетной формулы *До свидания!*, в неформальной обстановке *Пока!* Белорусы говорят: *Бывай (це)!* Белорусское выражение представляет собой усечение сочетания *Бывайце здаровы!* Его можно соотносить с русским, но не обладающим высокой частотностью *Будь здоров!* Таким образом, пожелание здоровья имплицитно и по-разному отражено и в современном русском, и в современном белорусском речевом этикете.

Русскому слову *болезнь* в белорусском языке соответствует *хвароба, больной – хворы*. В русском языке тоже присутствуют лексемы *хворать, хворь*, но они стилистически ограничены (просторечие). Некоторые ученые связывают происхождение этих слов с названием кустарника – *хворост* [Фасмер 1987, 4, 231–232], а также с ‘тяжкий’, ‘рана’, ‘боль’, отсюда также *хилый* (белорусское *кволы*), *хиреть*. Русская лексема *болезнь* происходит от *боль*. Этимологи доказывают, что *боль* соотносится со значениями ‘большой’, ‘раздутый’, ‘зло’, ‘вред’, ‘несчастье’, ‘мучить’, ‘терзать’, ‘страдание’ [Маковский 1996, 50; Фасмер 1987, 1, 370]. Сема ‘большой’, ‘раздутый’ проявлена и в белорусском выражении *да хваробы* (или *да халеры*), что значит ‘очень много’.

К семантическому полю *здоровье – болезнь*, а также *жизнь – смерть* в русском языке имеет отношение лексема *целый*. Об этом свидетельствует выражение *Цел будешь*, лексема *уцелеть* (в каких-то опасных обстоятельствах). Однако современный словарь ее толкует как 1. Весь без изъята, полный, 2. Значительный, большой, 3. Невредимый, без изъяна, ущерба, 4. Нечто единое, нераздельное [Ожегов 1984, 776]. Белорусское слово *цэлы*, среди других, совпадающих с русскими значений, по данным современного толкового словаря, имеет ‘здоровый, не раненый’, таким образом, связь между целостностью и здоровьем эксплицитна [Глумачальны... 1984, 266], а русское *целый* с потерей лексико-семантического варианта утратило и саму связь со здоровьем. Однако язык сохраняет культурную память и помогает реконструировать эти отношения. Этимологические словари репрезентируют наличие связи между *целый* и *здоровый* [Фасмер 1987, 4, с. 297], то есть представление о здоровье человека связывается с целостью всех его органов, их хорошим, надежным соединением между собой: *здоровый* – значит *крепкий, крепкое здоровье, сбитый*. Однокоренные слова, впрочем, теперь не воспринимающиеся как родственные, *целительство, исцеление, целитель, целебный* тоже свидетельствуют о корреляции целостности и здоровья. *Целить, исцелять* – лечить, приводить разрушенный орган, здоровье в порядок, восстанавливать утраченную целостность. Применять *целебные* средства – применять средства, дающие здоровье, делающие организм целым. Что касается белорусских соответствий, то все они содержат корень *лек-* от *лечить*, кроме *целебный* ‘заживляющий’ – *гаючы*.

Подтверждение находим и в некоторых номинациях проявлений болезни: *развалина/разваліна* (больной человек); *расклеиться/расклеіцца*; *надорваться/надарвацца*; *голова раскалывается/галава развальваецца*; *ни рук, ни ног/ні рук, ні ног*; *руки отваливаются/рукі адваліліся*, а также в русском языке – *ноги подламываются; разваливаться на части; болезнь подтачивает, хрупкое здоровье; Сляжешь, хуже разломает, а хоть ломайся, да обмогайся*, в белорусском – *Хвароба калі не ўморыць, дык скрывіць* и др. Все указанные лексемы и устойчивые выражения показывают, что болезнь и смерть – это утрата целостности. Приведенные данные позволяют говорить, что люди представляли себя как некий механизм, своеобразную биологическую машину.

Фразеология показывает, что самая важная часть человеческого тела – *голова*, ее потеря соотносится с утратой жизни: *Голова с плеч/Сарваць галаву; Не сносить головы/Не знасіць галавы; Ото-*

рвать голову/Адарваць (адкруціць) галаву; Снести голову/Знесці галаву; Поплатиться головой/Паплаціцца галавой; Легко ранили – и головы не нашли; Чалавек ведае, дзе ўрадзіўся, а не ведае, дзе галавою наложыць и др. В устойчивом выражении *бежать сломя голову* закодирована информация об опасности для целостности тела подобного способа передвижения. Более ясно проявляется эта семантика в белорусском языке, фразеологизм *на злом (на скрут) галавы, зламаць (скруціць) сабе галаву* обозначает 'погибнуть, покалечиться'. Русское устойчивое сочетание *ломать голову* относится к интеллектуальной составляющей деятельности человека – 'стараться понять что-либо трудное', а *ломаться* – 'упрямо не соглашаться на что-либо', *ломаться* – 'не выдержать напряжения, напора'. Русское *сложить голову* – погибнуть на поле брани, белорусское *налажыць галавой* – умереть: *Патуль хадзіў, пакуль галавою не налажыў*. Устойчивому русскому выражению *Да здравствует!*, соответствует *Няхай жыве!* В первом скрыто пожелание здоровья, во втором – сохранения жизни.

Лексема *поправиться/направицца* – 'выздороветь' тоже коррелирует с семантикой 'целый' и обозначает 'стать правильным, ровным, не кривым'. Таким образом, выздоровление связано не только с восстановлением целостности, но и с выпрямлением. Человек здоровый – прямой, больной – согнутый. В словаре М.М. Маковского продемонстрирована эта связь между словами *болезнь* и *гнуть* на материале индоевропейских корней [Маковский 1996, 50–51].

Таким образом, в современном русском и белорусском языке оппозиция *здоровье–болезнь* связана с дихотомией *прямой – кривой*. Заболел: *согнуло; скрючило; перекосило; в крюк свело; в три погибели согнулся; То же тело да клубком свертело; Уходила, умучила, согнула да скрючила; Барского слугу стало гнуть в дугу*. В белорусском языке безличным формам глагола соответствуют личные: *Сагнуўся (у круж); Сагнуцца ў тры пагібелі, скрукаваны, скурчаны*.

Особенности концептуализации (национально-культурный компонент) проявляются и на других языковых уровнях. Примером такой специфики является, например, отнесенность к роду существительного *собака* в русском и белорусском языках. Женский род русского слова указывает на преимущественное представление об этом животном как о друге, о существе неагрессивном, белорусское сознание соединяет его с мужским началом, собака в белорусских народных представлениях – существо агрессивное, защитник, охранник. Не всегда совпадает род и других одушевленных русских и белорусских существительных, отличающихся обозначениями пола: русское *гусь* (мужской род) – *гусыня*,

белорусское *гусь* (женский род) – *гусак*. Имеются особенности в категории числа: *берега* – *берагі*, *крупна* (singularia tantum) – *крупы* (pluralia tantum), склонения, спряжения и др.

Особенности мировосприятия иллюстрируют и синтаксические структуры. Доказано, что действию, которое совершается независимо от воли производителя в русских конструкциях, противопоставляется действие конкретного деятеля или неопределенных лиц в белорусском, а страдательный оборот речи в белорусском тексте заменяется действительным: *В одном из переулков встретились ему два арестанта в кандалах...* (А. Чехов). – *У адным завулку ён сустрэў двух арыштантаў у кайданах...* (Пер. К. Крапивы). *Дознано было, что отец и старший сын часто ездят по окрестным деревням, подговаривая мужиков сеять лен* (М. Горький). – *Дазналіся былі, што бацька і старэйшы сын часта ездзяць па навакольных вёсках, падбурваючы мужыкоў сеяць лён* (Пер. П. Галавач). *Тут дарогі пратоптваюць толькі капыты верхавых коней* (А. Кудравец). – *Здесь дороги утаптываются лишь копытами верховых лошадей* (пер. В. Короленко) [Бордович 1999]. Кроме указанных, можно привести множество других примеров.

Таким образом, не только типологически далекие, но родственные и даже близкородственные языки, какими являются русский и белорусский, репрезентируют особое восприятие мира его носителей, национально-культурный компонент. Понимание культурных смыслов, которые обычно глубоко запряганы, имплицитны, очень важно для контактирования языков, для адекватного взаимодействия «говорящих сознаний».

Литература

- Бордович А.М., Гируцкий А.А., Чернышова Л.В., 1999, *Сопоставительный курс русского и белорусского языков*, Минск.
- Гудков Д.Б., 1997, *Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация*, [в:] *Язык, сознание, коммуникация*, Москва, с. 114–127.
- Маковский М.М., 1996, *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках*, Москва.
- Ожегов С.И., 1984, *Словарь русского языка*, Москва.
- Преображенский А.Г., 1959, *Этимологический словарь русского языка*, Москва, т. 2.
- Степанов Юрий, 2001, *Константы: Словарь русской культуры*, Москва.

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы, 1984, Мінск, т. 5.

Фасмер Макс, 1987, *Этимологический словарь русского языка*, Москва, т. 1, 2, 4.

Хроленко А.Т., 2009, *Основы лингвокультурологии*, Москва.

NATIONAL CULTURAL SPECIFICITY
OF RUSSIAN-BELARUSIAN LANGUAGE CONTACTS

S U M M A R Y

Except its commonness Russian and Belarusian worldview contains differences that signal about specificity in culture and mentality. Explication and taking into account national cultural information encoded at all language levels secure high quality of native speakers' contacting. Some linguists identify communication as interaction of "speaking perceptions", emphasizing that for such interaction they need the intersection of communicators' cognitive fields: the larger the area of intersection the more adequate communication. In the article by the example of different language levels there was displayed that Russian and Belarusian "speaking perception" possesses peculiarities reflected in language and developing in the process of communication.

Людмила Чернышова e-mail: cherny0101@tut.by